

ВОЛЧОК А. А., ЛЮБУШКИН В. А.

НАРОДНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ПРАВОСОЗНАНИЕ

Аннотация. В статье исследуется место народного суверенитета в современной юриспруденции. Проведен анализ существующих взглядов и критических мнений по отношению к данной концепции, также изучено влияние взглядов и теорий суверенитета на правосознание.

Ключевые слова: народный суверенитет, общественный договор, правосознание, авторитаризм, права и свободы.

VOLCHOK A. A., LYUBUSHKIN V. A.

SOVEREIGNTY OF PEOPLE AND LEGAL CONSCIOUSNESS

Abstract. The article examines the place of national sovereignty in modern jurisprudence. The analysis of existing views and critical opinions in relation to this concept is carried out. The influence of views and theories of sovereignty on legal consciousness is also studied.

Keywords: sovereignty of people, social contract, legal consciousness, authoritarianism, rights and freedoms.

Понятия «народовластие», «народный суверенитет», «демократия» давно возникли в юриспруденции, перейдя из концепции естественного права и закрепившись в позитивных нормах, став его неотчуждаемой частью. Но, к сожалению, как показывает исторический опыт, в процессе развития права данная терминология нередко теряла свой изначальный смысл, становясь инструментом в руках отдельных лиц. Порой даже превращаясь в «фикцию», которой оправдывали деспотические действия со стороны государства, а многие антиправовые законы в действительности ставили под сомнение реальное существование «народного суверенитета».

Предметом нашего исследования является категория «общественный договор», зародившаяся в политико-правовых учениях Нового времени. Общественный договор, в свою очередь, подразумевает под собой некую метафизическую условность, которая, несмотря на разнообразие трактовок, обычно сводится к следующим общим условиям: народ, имея естественные права, «договаривается» с властью на определенных условиях, устанавливая степень своих свобод, прав и обязанностей, а также механизмы влияния на саму власть. Подходы к пониманию категории «общественный договор» отличаются в зависимости от исследователя, а в современном мире и это разнообразие подвергается разным толкованиям. Так, Т. Гоббс видел в общественном договоре необходимость, а носителем суверенитета усматривал власть, самого «суверена» [4, с. 115]. О демократии в

его теоретическом видении суверенитета не могло быть и речи, суверенитет принадлежит власти, народ вынужден лишь подчиняться ее решениям. Сам суверенитет видится как инструмент для контроля эгоистической природы человека и недопущения беспорядков. Согласно суждениям Т. Гоббса, очевидно, что на начальных этапах формирования теории суверенитета последний выступал в качестве обоснования любых решений, принимаемых властью; население же воспринималось как люди неспособные договариваться без веления «сверху», постоянно вступающие в конфликт и реализующие свои интересы путем нарушения прав остальных лиц [14, с. 43]. Можно утверждать, что в современной политике стали всё чаще встречаться власть имущие, проявляющие грубое неуважение к населению, которое как раз и наделило их соответствующими полномочиями, в этом мы видим возвращение к буквальному пониманию суверенитета, как возможности принимать «любые» решения, не считаясь с населением [16].

Некую опасность для правосознания субъектов права может представлять поиск современными исследователями противоречий в рассуждениях классиков естественного права, в том числе и у Т. Гоббса. Указывая на верховенство и непререкаемость власти, доходя до абсолюта во всем, Т. Гоббс параллельно говорит о том, что государство всё же обязано соблюдать общественный договор, а гражданские права и свободы – это точно та сфера, в которую никто не имеет права вмешиваться. Указание исследователями на данные противоречия дает только больше возможностей для демагогии вокруг народного суверенитета и свобод народа. Да, возможно суверен при написании законов должен руководствоваться социальными и политическими запросами населения, но всё же его власть не оспариваема, а сам по себе суверенитет вместе с государством вновь приобретает статус регуляторов и ответа на внешнее воздействие или насилие [10, с. 39]. Всё это может впоследствии послужить опасной риторикой для государства, которое будет заявлять о праве на использование любых внутренних беспорядков или внешнеполитического кризиса в качестве причин для усиления собственной власти и ограничения свобод, ссылаясь на имеющийся у него суверенитет.

Совершенно противоположная теория была разработана Ж.-Ж. Руссо, который считал, что именно народ является как носителем суверенитета, так и самой «властью», формируя государство и его органы из своих представителей, устанавливая право изменения власти в случае нарушения ею народного суверенитета [13, с. 560-561]. На самом деле, данный подход является другой крайностью рассматриваемого нами правового и политического явления, который также стал объектом интеллектуальных манипуляций современных исследователей. Теория суверенитета, выдвинутая Руссо, и вовсе фактически замещает государство самим суверенитетом, а в качестве общественного договора в ней

выступает насильственное свержение действующей власти и изменение общественного строя, доходящее вплоть до массового террора. Идеалистическая концепция Руссо в реальности воплощалась параллельно с насилием, «неинституционализированными» мерами и средствами, предпринимаемыми государством, ставя волю народа выше, чем закон. В самом упрощенном виде теория, разработанная Ж.-Ж. Руссо, понимается как полная свобода действий толпы, недовольной государством, доходящей вплоть до его уничтожения и радикального отрицания человеческих ценностей [3, с. 287]. В контексте влияния на правосознание можно сформировать на этой основе позицию радикального либерализма или радикальной демократии, когда народный суверенитет ставится выше государственного, протесты, восстания и насильственные действия по отношению к власти в глазах народа приобретают легитимный характер борьбы, а действующее законодательство, наоборот кажется несправедливым, не обеспечивающим должный уровень социального взаимодействия. В реальности подобное лишь приводит к смене одной политической элиты на другую, которая в целях укрепления власти проводит репрессивную политику, при этом действуя полностью с одобрения радикально настроенных масс. Вряд ли подобный «порядок» может обеспечить нормальное развитие правовых норм и институтов, соблюдение всех прав и свобод в соответствии с закрепленными принципами.

В современном мире общественный договор чаще всего воспринимается как возможность народа по осуществлению своей власти непосредственно или путем формирования представительных органов, также относя сюда независимые от государства и его аппарата принуждения структуры гражданского общества. Это позволяет эффективно заменять насильственные революции постепенной эволюцией норм права и государственного устройства [6, с. 95-97]. Всё же, на наш взгляд, при этом сохраняется проблема «радикального» понимания народного суверенитета, в силу чего могут возникать нормы, нарушающие права человека, появляться авторитарные государства, могут иметь место дестабилизация общества, деформация правосознания. В подтверждение данного вывода можно привести примеры из сферы исследования актуальных политических конфликтов. Автор одного исследования утверждает, что попытки современной российской власти сдерживать противоречия в обществе идеями «солидарности и единения», выстраивания единой идеологической модели общества, только усугубляют ситуацию, в реальности конфликтам необходимо существовать и создавать конкурирующую среду для всех социальных групп и индивидов [11, с. 11-12]. В одной из работ и вовсе гражданское общество и государство выставляются в качестве противостоящих друг другу элементов, а конфликты, которые могут случиться на этом фоне, и неразрешенные противоречия влекут за собой положительный, конструктивный результат [7, с. 68-69]. Подобные идеи, возможно,

полезны с точки зрения строительства демократии и политических технологий, но, если давать им правовую оценку, то становится очевидно, что подобное понимание гражданского общества может превратить его в платформу для экстремистских идей, способствовать углублению конфликта между государством и гражданским обществом, привести к созданию нового «центра» легитимности в лице данного института, маргинализируя понимание народовластия и защиты собственных прав, постепенно разрушая ценностное отношение к государству и закону со стороны населения.

Попытку воплотить в жизнь идеи о суверенитете Ж.-Ж. Руссо предпринял М. Робеспьер. Идеологические основы террора времен диктатуры якобинцев прослеживаются в докладе «О принципах революционного правительства», в котором М. Робеспьер отрицает властные институты, оправдывая жестокие и чрезвычайные меры, предпринимаемые правительством, необходимостью. Конституция же у М. Робеспьера из акта, имеющего высшую юридическую силу, превращается в объект демагогии и сакрализации революции, при этом все антиправовые методы управления оправдываются защитой народного суверенитета и его проявлением [12, с. 90-91].

Более углубленно изучает рассматриваемую проблему немецкий философ К. Шмитт. В его понимании, порой для защиты Конституции необходимо отрицать ее положения, а в силу неспособности представительных органов «молниеносно» разрешать возникающие коллизии попросту упразднять эти органы, передавая полномочия единоличному «суверену» или диктатору. Тем самым автор делает вывод, что для охраны демократии и права ими можно пренебрегать, создавая, по его мнению, вполне обоснованное противоречие [15, с. 127]. В свою очередь, лицо, наделенное суверенитетом, вправе аргументировать совершаемые им действия «божественной волей», настроениями масс, исторической необходимостью. К. Шмиттом суверенитет воспринимается как нечто более «возвышенное», нежели право и конституционно закрепленные институты, поэтому диктатор единолично легитимен принимать решения. Поскольку волю всего народа трудно реализовать через нормативное регулирование или законодательные акты, то его единоличный представитель, вплоть до диктатуры, имеет на это полное право.

Можно констатировать, что подобные идеи понимания суверенитета, по факту подводящие к обоснованию легитимности диктатуры, нашли свое определенное отражение и в российской правовой теории. Так, В. Зорькин в своих работах не раз подчеркивал устаревание представительных институтов власти, неактуальность либеральных ценностей, поиск «иной» альтернативы установившемуся порядку [17].

Неоднозначны взгляды исследователей и на соотношение государственного, национального и народного суверенитетов. Одни авторы придерживаются позиции, согласно

которой народный суверенитет первичен по сравнению с государственным, государство само по себе лишь внешняя форма, способствующая его реализации. Другие исследователи считают, что как таковое фактическое существование народного суверенитета попросту невозможно, поскольку всё это реализуется в формально закреплённых институтах государства, выделение народного суверенитета приводит к коллизии, конфликту между двумя разными субъектами, абсурдности ситуации, когда нам бы пришлось распределять «количество» суверенитета в равной мере [8, с. 24]. Воспринимая право в качестве выражения народного правосознания и менталитета, авторами замечено, что включение в тексты законов неправовых категорий, теоретическое изучение права через социально-культурную призму может обернуться деструктивными последствиями для правовой культуры [1, с. 14-15].

Таким образом, можно сделать вывод, что опасность неверного понимания сущности народного суверенитета сохраняется, на это указывает и российский опыт событий 1993 года [2, с. 223-224]. «Революционное» толкование теории суверенитета деформирует правосознание, что может впоследствии выразиться в игнорировании права под видом его охраны, а также в разрушении стабильных государственных институтов, их замене прямой контролируемой волей с дальнейшим переходом в диктатуру. Оправдываемое противоречие приводит к замкнутому циклу, когда ради защиты прав и свобод происходит их ущемление, вседозволенность власти и фактическое лишение народа суверенитета.

В этой связи возникает вопрос о возможности для народа восстановить свои ущемленные права, но в таком случае как можно реализовывать суверенитет, когда существует централизованная власть, которой вверили данные полномочия? Подтверждением этому выступает одна из исследовательских позиций, согласно которой в реальности нецелесообразно выстраивать различия между «разными» суверенитетами, а также проводить соотношение их внутреннего и внешнего компонентов. Автор утверждает, что народ сам по себе ничего не представляет без конструктивного выражения в виде государства, а внутренне его реализация происходит через «верховную власть», которая и служит одновременно как связью, так и отграничением народа от государства [5, с. 29-30]. Но тогда остается открытым вопрос и об альтернативе представительным формам реализации власти. Насколько они могут действительно стать источником демократии и права? Между тем из истории известно, что часто именно плебисцитарная демократия устанавливала в итоге деспотические формы правления. Исследование западной правовой мысли показало, что понимание народного суверенитета как передачи полномочий представителям народа, а не попытки реализации его напрямую, позволило реализовать относительно успешные демократии на практике (Западная Европа), а все попытки

«русссоистского» строительства общества приводили к массовому террору или тоталитарной диктатуре [9, с. 51].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев С. В. Верховенство Российской Конституции: к вопросу о проблемных аспектах понятия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2020. – № 2. – С. 10–17.
2. Винницкий А. Наследие Карла Шмитта как ключ к пониманию российского политического пространства // Generation PP. Приложение к журналу «Публичная политика». – 2021. – Т. 1. – № 4. – С. 211–225.
3. Гайнутдинова Л. А., Гайнутдинов Р. И. Радикальный либерализм Жан-Жака Руссо и современность // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2017. – Т. 18. – № 4. – С. 282–289.
4. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского; предисл. и ред.: А. Ческис. – М.: Соцэкгиз, 1936. – 503 с.
5. Грачев Н. И. Государственный и народный суверенитет в их «внешнем» и «внутреннем» выражении // Философия права. – 2006. – №4 (20). – С. 27–31.
6. Длугач Т. Б. От Левиафана к гражданскому обществу // Историко-философский ежегодник. – 2020. – Т. 35. – С. 77–100.
7. Иванова В. И., Киняшева Ю. Б. Конструктивный потенциал политических конфликтов в современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1. – С. 66–72.
8. Корецкая Т. П. Проблемы взаимодействия народного, национального и государственного суверенитета в современном российском конституционализме // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – Т. 3. – № 3. – С. 23–30.
9. Курскова Г. Идея народного суверенитета в западной политико-правовой мысли // Закон и право. – 2008. – № 9. – С. 48–51.
10. Митюрева Д. С. Жан Боден и Томас Гоббс: в поисках идеального государя // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 3 (63). – С. 37–40.
11. Никовская Л. И. Гражданское общество и протесты: что за ними стоит? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2012. – № 4 (110). – С. 5–13.
12. Робеспьер М. Избранные произведения. – М., 1965. – Т. 3. – 318 с.
13. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основания неравенства между

людьми // Антология мировой философии: в 4 т. – М., 1969-1972. – Т. 2. – 704 с.

14. Фролова Е. А. Из истории философии права: Т. Гоббс о государстве и праве // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 6 (186). – С. 42–44.

15. Шмитт К. Диктатура; пер. с нем. Ю. Ю. Коринца; под ред. Д. В. Кузницына. – СПб., 2005. – 326 с.

16. Случаи скандальных высказываний российских региональных чиновников [Электронный ресурс] // ТАСС. – Режим доступа: https://tass.ru/info/6835618?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign (дата обращения 19.09.2022).

17. Зорькин: недостатки в Конституции можно устранить точечными изменениями [Электронный ресурс] // Российская газета.ру. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniiami.html> (дата обращения 20.09.2022).